

A photograph of a person drinking water from a stream. The person's hands are cupped together, and water is dripping from them. The background shows a rocky stream bed with water flowing over it.

ОСНОВЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Протоиерей
Алексей Уминский

протоиерей Алексей Уминский

Основы духовной жизни

«Никея»

2012

Уминский п. А.

Основы духовной жизни / п. А. Уминский — «Никея», 2012

Каждый христианин хочет жить по Евангельским заповедям. Все церковное предание – это опыт исполнения Христовой Истины, выстраданный Святыми Отцами. Но как воплотить их многовековой опыт в нашей современной жизни? Книга «Основы духовной жизни» – это цикл бесед протоиерея Алексея Уминского, построенных вокруг поучений аввы Дорофея, занимающих особое место в церковном предании. Эта книга – живой и теплый разговор о самых важных вещах в жизни христианина: о свободе и совести, о страхе Божиим и молитве, о памяти смертной и борьбе со страстями. Известный проповедник рассказывает о бесценном опыте Отцов Церкви и размышляет о том, как можно приложить его к нашей повседневной жизни. Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви.

© Уминский п. А., 2012

© Никея, 2012

Содержание

Дорогой читатель!	5
О памяти смертной	6
О совести	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Протоиерей Алексей Уминский

Основы духовной жизни

Дорогой читатель!

Выражаем Вам глубокую благодарность за то, что Вы приобрели легальную копию электронной книги издательства "Никея".

Если же по каким-либо причинам у Вас оказалась пиратская копия книги, то убедительно просим Вас приобрести легальную.

Как это сделать – узнайте на нашем сайте www.nikeabooks.ru

Спасибо!

О памяти смертной

О памяти смертной мы задумываемся, приступая к первому тому «Добротолюбия»¹ и вслушиваясь в поучения Антония Великого², который, опираясь на личный опыт, говорил своим ученикам: «Пробуждаясь от сна, будем думать, что не доживем до вечера, и, опять ложась спать, будем помышлять, что не доживем до утра, всегда помня о безвестном пределе жизни нашей. Живя так, мы не будем ни грешить, ни иметь похотения к чему-нибудь, ни воспламеняться гневом на кого-либо, ни собирать сокровищ на земле, но, каждый день ожидая смерти, будем презирать все тленное. Тогда остынет в нас и похоть плотская, и всякое нечистое желание, все будем прощать друг другу и будем предпочитать себя, всегда имея перед очами ожидание последнего часа и борьбы. Ибо сильный страх смерти и Суда, опасение мучений поднимает душу, клонящуюся в пропасть гибели».

Слово Божие учит нас: *Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь* (Сирах. 7: 39). Антоний Великий говорит о том же, хотя и несколько иными словами: *«Ежедневно умирай, чтоб жить вечно, потому что боящийся Бога жив будет вовеки»*.

Как же нам осмыслить, что же это такое – «память смертная»? Для начала все мы должны постараться до конца осознать и без того, в сущности, очевидное: единственное, что человек знает о себе с абсолютной достоверностью, – рано или поздно он обязательно умрет, хотя при этом менее всего думает о смерти.

Чем обусловлен такой парадокс? Почему нам невыносимо тяжело хранить память о своей неизбежной кончине и думать о ней? – Это, без сомнения, связано с тем, что смерть для человека – явление неестественное, изначально Богом не уготованное, а следовательно, и размышления о смерти чужды нашему рассудку. Память смертная – чувство *сверхъестественное*, хотя о смерти нам ежедневно напоминают новости о катастрофах и преступлениях и почти все фильмы, которые мы смотрим по телевидению.

Каждый человек боится смерти, оказывается не в силах ее принять. И это правильно: он не должен принимать смерть! Но каким же путем ему следует идти в таком случае?

Наш современник гонит от себя прочь всякое напоминание о собственном будущем уходе, постоянно наблюдая смерти чужие. Ведь если умирают другие, а я – жив, значит, все не так уж и страшно! У человека, созерцающего чужую гибель во время просмотров теленовостей или триллеров или втянувшегося в кровопролитные компьютерные сражения, конечно же, порой пробегают мурашки по спине, но – «это ведь не со мной!» Он испытывает некоторое психологическое облегчение от того, что видит смерть, случившуюся либо «понарошку», либо хотя и вполне реальную, но к нему лично никак не относящуюся.

Мир, отстоящий от Бога, тяготеет к смерти, потому что Бог – и есть истинная жизнь. Отдаляясь от Господа, человек неизбежно приближается к смерти и все явственнее ощущает на себе ее смрадное дыхание, но прибегает к сублимации, сосредотачивая свое внимание на чужих трагедиях. Не нашедшему Бога человеку такие фильмы нужны, как зелье наркоману: ведь в них если кто-то и умирает, то только не он сам; мир, обреченный погибнуть, в последний момент кем-то спасается. Заметьте, многие герои остросюжетных фильмов призваны осуществить своего рода мессианскую задачу: непременно появляется какой-то супермен, благодаря которому человечество избегает смертельной опасности, исходящей от террористов, от инопланетян, а то и от самого антихриста...

---

¹ «Добротолюбие» — сборник духовных произведений православных авторов IV–V веков.

² Антоний Великий (ок. 251–356) – раннехристианский подвижник и пустынный, основатель отшельнического монашества. В Православной Церкви память совершается 30 января (здесь и далее даты приводятся по григорианскому календарю).

Давайте перечитаем «Пир во время чумы» А.С. Пушкина и рассмотрим это произведение в контексте отношения человека к смерти. Председатель бросает смерти вызов, как перчатку в лицо; казалось бы, он не боится ее, пытается бороться с гибелью и выйти из этой схватки победителем. Но этот эмоциональный всплеск порожден совершеннейшим отчаянием, которое, в сущности, уже и есть смерть. И когда ему протягивается рука спасения, когда старый священник называет собравшихся на пир «безбожными безумцами», председатель гонит его прочь:

Старик, иди же с миром;
Но проклят будь, кто за тобой пойдет!

Вспомним роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», рассказ старца Зосимы о своем старшем брате, Маркеле, который до поры до времени оставался неверующим. Он навещал какого-то ссыльного вольнодумца, смеялся над няней, задувал лампадки, не хотел соблюдать посты и вдруг смертельно заболел. Исповедовавшись и причастившись, Маркел неожиданно переродился настолько, что знакомые посчитали его сошедшим с ума. Он у всех начинает просить прощения и говорит, что если даже один день ему дано было бы прожить на свете, и то он был бы счастлив, – а сколько еще Господь дает этих дней! «Вы поймите, – говорит он, – что всякий пред всеми во всем виноват...»

Удивительная вещь: один пытается бороться со смертью своей гордыней и поет «гимн чуме»:

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.

Но эта бравада – лишь крик отчаяния, потому что за чумным пиром неизбежно следует гибель, а Маркел действительно побеждает смерть, приближаясь ко Христу. Со смертью примириться нельзя, но победить ее можно. И это – самое главное, что должно остаться в душе христианина, когда он сталкивается с проблемой смерти и умирания.

Ни Маркел, ни председатель чумного пира со смертью не мирятся; оба с ней борются, при этом один побеждает, а другой терпит поражение. Председатель погибает, потому что он – со смертью, которой может противопоставить лишь свою гордыню и отчаяние, а Маркел побеждает, потому что он к Богу переходит, он соприкоснулся с жизнью настоящей, истинной, вечной.

Что же нам сделать, чтобы приучить себя к памяти смертной, к тому, чтобы радоваться каждому дню? Наши подвижники советовали каждый день проживать как последний, когда мы последний раз смотрим на солнце, последний раз смотрим в глаза маме или даже просто последний раз вкушаем пищу, – с какой благодарностью, с каким благоговением мы можем все это делать!

У митрополита Сурожского Антония³ есть замечательная лекция «О смерти». Владыка рассказывает о том, как умирала его мать. Она угасала в течение целого года, и это была самая счастливая пора их отношений, потому что каждый день они встречались как в последний раз, стараясь подарить друг другу максимум нежности, любви и заботы.

---

³ Митрополит Антоний Сурожский (в миру Андрей Борисович Блум; 1914–2003) – архиерей Русской Православной Церкви, философ, проповедник.

Можно попробовать постоянно напоминать себе об этом, когда мы раздражаемся, завидуем, ленимся, когда мы стремимся к чему-то такому, что может повредить нашей душе. Когда нас обуревают гнев, обида, злоба и осуждение и нам так тяжело бывает простить, давайте подумаем о том, что, может быть, мы в последний раз видим этого человека и у нас осталась последняя возможность полюбить его.

О совести

Обратимся к поучению аввы⁴ Дорофея, называемому «О совести», но сначала поговорим о свободе. В первом томе «Добротолюбия» преподобный Антоний Великий говорит о том, что по-настоящему свободен не тот, кто свободен по своему естеству, не тот, кто богат или знатен, потому что такие люди часто становятся рабами чувственных страстей. Истинную свободу души «составляют чистота и презрение привременного».

К сожалению, в наши дни слово «свобода» настолько девальвировалось, почти полностью утратив свой изначальный христианский смысл, что даже значение его коренным образом изменилось. К сожалению, такова судьба многих слов в современном мире. Например, достаточно составить сочетание двух прекрасных слов: «свобода» и «любовь», как получится «свободная любовь» – эвфемизм слова «блуд», не имеющего ни малейшего отношения ни к любви, ни к свободе.

Однажды, беседуя с подростками, я задал им, казалось бы, очень простой вопрос:

– Ребята, а что ограничивает вашу свободу?

Они по простоте душевной принялись отвечать:

– Конечно же, родители.

– А еще что? – продолжаю я допытываться.

– Ну, как «что»? Школа...

– А вообще, какие факторы могут ограничивать свободу человека?

Началось перечисление: «отсутствие денег...», «правила поведения в обществе...», «законы...», «обязанности, которые человек должен выполнять...». Наконец, дошли до того, что «совесть ограничивает свободу человека...».

Тогда я попросил их:

– А теперь набросайте портрет свободного человека. Каким он вам представляется? Кто он? Тот, кто отвергает своих родителей, поскольку они ему мешают? Тот, кто стремится раздобыть деньги любым путем и таким образом обрести свободу? Тот, кто способен преступить закон, потому что закон мешает ему чувствовать себя свободным?

И так далее и тому подобное... В общем, портрет получился достаточно устрашающим, и на вопрос: «Хотели бы вы дружить с таким человеком?» – дети категорически ответили: «Нет!»

Что же представляет собой совесть, ограничивающая нашу свободу? Попробуем подобрать какие-нибудь синонимы к этому слову. Весть от Господа? Нравственный закон? Голос Божий, звучащий в человеке? а кто в Евангелии назван голосом Божиим, *гласом вопиющего в пустыне* (Мф. 3: 3)?

Святой Иоанн Предтеча – совесть одушевленная – призывает всех нас: *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 3: 2).

Авва Дорофей учит: «Когда Бог сотворил человека, то Он всеял в него нечто божественное, как бы некоторый помысл, имеющий в себе, подобно искре, и свет, и теплоту; помысл, который просвещает ум и показывает ему, что доброе и что злое: сие называется совестью, а она есть естественный закон».

Об этом пишет и апостол Павел: *Те, которые, не [имея] закона, согрешили, вне закона и погибли; а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся (потому что не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут, ибо, когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон:*

---

⁴ Авва (ивр. греч. ОДОа) – «отец». Древнее наименование настоятеля православного монастыря – игумена, архимандрита, получившее распространение с IV века (в латинской транскрипции – аббат). Форма почтительного обращения к монашествующим.

они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую) (Рим. 2: 12–15).

Совесть – категория универсальная для всех людей, а вот их представления о законах могут и различаться. Мы отождествляем совесть не с человеческими законами, а с естественным законом Божиим, который находится внутри нас. Голос Божий – это голос свободы в человеке. Бог и есть сама Свобода, совершенная и абсолютная Свобода.

Евангелие свидетельствует о том, что Бог принес людям свободу. *Познаете истину, – говорит Христос, – и истина сделает вас свободными* (Ин. 8: 32). А Себя Он характеризует так: *Я есмь путь и истина и жизнь* (Ин. 14: 6). Все Евангелие твердит нам о необходимости освобождения от того, что превращает нас в рабов чувственных страстей.

Получается, что совесть, ограничивающая свободу в человеке, – и есть призыв к свободе. Но в чем же заключается наша свобода? Как ни странно, в возможности выбора между двумя свободами: той, которая в Боге, и той, которая вне Бога.

Мы не можем не назвать желание человека поступать по своей воле свободой, так же как не можем назвать несвободным человека, осознанно выбравшего зло. Свобода человека заключается в том, какую именно свободу он изберет для себя. Этот выбор, по сути своей, – тяжкий крест; человек чувствует себя связанным по рукам и ногам. Выбирать свободу Божию тяжело, выбирать свободу без Бога легко, но совесть не оставляет человека в покое, если он делает ложный выбор.

Попробуем подобрать синонимы к слову «свобода». «Независимость»? «Воля»? Ну, может быть, еще «своеволие», «самость». Вот, например, замечательный поэтический образ: «путь легкости ветра»... Говорят же о свободе как о легкости! Свобода – это полет. И воля – тоже очень хорошее слово. А какой может быть воля? Благой, злой, сильной, слабой. А какой человек более свободен: обладающий сильной волей или слабохарактерный? Казалось бы, слабый, – ведь, потакавая себе, он гораздо более раскован. Но вот простой пример: он хочет бросить курить и никак не может...

Только человек с сильной волей может быть по-настоящему свободен, того же, кто все время идет у кого-нибудь на поводу, нетрудно подчинить и закабалить. Но откуда берется сильная воля? Или это – дар Божий?

Воля в человеке воспитывается. В конце концов, каждый способен воспитать ее в себе. Хрестоматийный пример – граф Монте-Кристо. Эдмон Дантес, человек сильной воли, семнадцать лет провел в замке Иф. Он без устали боролся за свою свободу и наконец обрел ее. Другой вопрос, как он этой свободой распорядился...

Нам необходимо осознать: мы пребываем в тюрьме, мы – не свободны и наш путь – путь освобождения. Мы томимся в плену страстей, дурных привычек, лени и раздражительности. Разве это не рабство, разве это не тюрьма, из которой пора бежать, сбросив оковы?

Нам предстоит пройти долгий путь преодоления. Делая выбор между двумя свободами, вслушиваясь в голос собственной совести, человек борется за свободу истинную – а что может быть благороднее! Совесть – наша удивительная помощница в борьбе за освобождение.

Об этом рассуждал преподобный Максим Исповедник (580–662). Его подвиг исповедничества заключался в том, что он не принял монофелитское лжеучение, согласно которому у Христа была одна воля, одна свобода – Божественная, а человеческой не было. Монофелиты не могли вместить, как в Боге Божественная и человеческая свобода могут не противоречить друг другу. Максим Исповедник учил: во Христе гармонично сочетаются две воли, пояснив, что существует воля гномическая, то есть выборная, а есть воля естественная. В Боге – воля естественная; Божественная воля не выбирает между добром и злом. Это – абсолютная свобода в добре, во благе, в любви; как птица не выбирает, ползает ли ей по земле или плавать по морю, – она летит. И рыба не выбирает, бегать ли ей или прыгать, – она плавает. Вот это – свобода настоящая, истинная, легкая и счастливая, та свобода, по которой так тоскуют наши

сердца. Такую свободу не выбирают, она уже преодолела страшный, мучительный человеческий выбор и утвердилась в Боге. Через духовную борьбу, через воспитание своей благой воли постепенно происходит приобретение навыка добродетели. Человек выбирает путь к свободе и бежит из тюрьмы.

При этом свободным можно оставаться всюду. Митрополит Антоний (Блум) рассказывает: на стене одного каземата Шлиссельбургской крепости были нацарапаны такие строки:

Со Христом и в тюрьме я свободен,
Без Христа и на воле тюрьма!

Человек, заживо погребенный в одиночной камере, вдруг ощутил себя свободным! Он уже пребывал со Христом, пребывал с Богом, и ему стало хорошо и легко. С другой стороны, и на воле можно оставаться рабом собственных грехов и страстей...

Бывает так, что мы посещаем святые места, усердно там молимся, а возвращаясь домой, сразу же погружаемся в совершенно иную атмосферу. Но в этом-то и заключается смысл духовного воспитания! Человек приобретает определенные навыки молитвы, он помнит о том, что ему было хорошо именно тогда, когда он обращался к Господу и совесть его не обличала, а теперь он страдает и тянется к бывшему.

В одном из поучений авва Дорофей утверждает: *«Семена добродетели неистребимы»*. Всем нам стоит запомнить эту фразу! Посеянное в человеке истребить нельзя; долгое время семя может пролежать подспудно, но рано или поздно непременно прорастет.

Следует отдавать себе отчет в том, что такое свобода в Боге и от чего она нас освобождает. Свобода в Боге – это свобода от греха, когда человек чист и целен, в то время как свобода вне Бога – это свобода потакания своим страстям. Повторю, хорошо бы каждый день начинать и проживать с мыслью, что это – последний отпущенный нам день. Относясь к каждому дню как к последнему из отпущенных нам, мы исполняем благодати и каждую минуту проживаем не попусту. Ведь что мы делаем со временем? «Убиваем» его, а это очень страшно, потому что Христос и говорит: *«За всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда»* (Мф. 12: 36).

Ежевечерне мы мысленно перечисляем свои грехи, а что, если для начала вспомнить, как мы этот день провели? Спросить у себя: как я употребил время, дарованное мне Господом для спасения? Как читал утренние молитвы? Как добирался в метро и какие чувства владели в тот момент моей душой? Как нетерпеливо ждал автобуса, как потом, раздраженный, пришел на работу, насколько усердно к ней приступил и помнил ли я в то время о Боге? Чем я занялся, вернувшись вечером домой? Неужели тут же включил телевизор, вместо того чтобы поговорить с детьми, снять с полки хорошую книгу или просто посидеть в тиши, побыть наедине с собой? Как много мог я сделать доброго в этот день! Сколько раз я поленился позвонить родителям, не вспомнил о человеке, о котором обещал помнить! Тогда-то и станет очевидно: это – и есть суд и не обязательно ожидать Страшного суда...

Отчего совесть в человеке вдруг замолкает? Авва Дорофей призывает нас: «Итак, потщимся, братия, хранить совесть нашу, пока мы находимся в этом мире; не допустим, чтобы она обличала нас в каком-либо деле; не будем попираť ее отнюдь ни в чем, хотя бы то было и самое малое. Знайте, что от [пренебрежения] сего малого и, в сущности, ничтожного мы переходим и к пренебрежению великого. Ибо если кто начнет говорить: «Что за важность, если я скажу это слово? Что за важность, если я съем эту безделицу? Что за важность, если я посмотрю на ту или на эту вещь?» – от этого «что за важность в том, что за важность в другом» впадает он в худой навык⁵ и начинает пренебрегать великим и важным и попираť свою

---

⁵ В славянском переводе: «злую и горькую пажить».

совесть, а таким образом, закосневая во зле, находится в опасности прийти и в совершенное нечувствие. Поэтому берегитесь, братия, пренебрегать малым, берегитесь презирать его как малое и ничтожное; оно не малое, ибо чрез него образуется худой навик. Будем же внимать себе и заботиться о легком, пока оно легко, чтобы оно не стало тяжким: ибо и добродетели и грехи начинаются от малого и приходят к великому добру и злу».

Получается, что из-за этих самых «мелочей», оттого, что человек оказывается неверен в малом, он и теряет совесть.

Мы читаем в Евангелии: *Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом* (Лк. 16: 10) и *В малом ты был верен, над многим тебя поставлю* (Мф. 25: 21). Только тот, кому удастся сохранять свою совесть начиная с малого в конце концов и становится настоящим человеком.

Господь всем дарует настоящую любовь, но далеко не все способны удержать ее. Это – очень и очень непросто, потому что человек, привыкший ко всему относиться несерьезно, наплевательски, уже не может удержать настоящую любовь, когда она к нему наконец приходит, ибо в свое время был неверен в малом. Он будет неверен и в этой долгожданной любви, и от его неверности любовь разобьется вдребезги... Если тебе даруется настоящая дружба, а ты не в силах оценить ее по достоинству и оставаться верным до конца, то эту дружбу ты неизбежно потеряешь. Если ты поступаешь на ответственную работу с достойной зарплатой, но ведешь себя скверно и трудишься спуская рукава, то скоро тебя попросту выгонят, и виноват в этом будешь только ты сам, и никто иной...

Так жили, живут и предполагают жить впредь миллионы наших с вами сограждан – несчастнейшие люди с разбитой судьбой, обиженные на всех и на все, все вокруг проклинающие, ропщущие на Бога по единственной причине – из-за своей неверности в малом! Страшно, но с этого-то и начинается предательство по отношению к собственной совести.

«Такой человек, – утверждает авва Дорофей, – впадет в злой навик и начнет пренебрегать великим и важным и попирает свою совесть; а таким образом закосневая во зле, будет он в опасности прийти в совершенное нечувствие. Поэтому берегитесь, братия, пренебрегать малым, берегитесь презирать его как малое и ничтожное, оно не малое ибо через него образуется худой навик! Будем же внимать себе и заботиться о легком, пока оно легко, чтобы оно не стало тяжким, ибо и добродетели и грехи начинаются от малого и приходят к великому добру и злу».

Размышляя о совести, мы рано или поздно непременно сталкиваемся с понятием «навик». Это – чрезвычайно важное, ключевое слово для аскетике, его не устает употреблять авва Дорофей. Навик – это начинающееся с малого либо осознанное и действенное стремление к добру и к свободе либо столь же осознанное и действенное стремление ко злу. Именно навик определяет всю последующую жизнь каждого человека.

Авва Дорофей напоминает о том, что человек должен хранить совесть по отношению к Богу, по отношению к ближнему и даже по отношению к вещам. Хранить совесть по отношению к Богу – это, по его словам, «очень тайная вещь», потому что только Господь видит это хранение. Лишь Ему ведомо, насколько решительно мы боремся с лукавыми помыслами на молитве, как воспитываем в себе волю к выбору свободы в Боге, к выбору свободы от греха. Эта брань духовная и есть хранение совести по отношению к Богу.

Хранить совесть по отношению к ближнему – значит *«не делать ничего такого, что оскорбляет или соблазняет ближнего делом или словом, видом или взором»*. То есть жить так, чтобы ближний никоим образом не соблазнился бы из-за тебя, не обиделся бы на тебя и не был бы тобой осуждаем.

Иногда спрашивают, как совесть по отношению к Богу связана с совестью по отношению к ближнему? Что ж, человек может действительно гореть на молитве и строго соблюдать посты, испытывая экзальтацию, а по отношению к ближнему проявлять надменность, черствость, раз-

дражительность и даже жестокость. Так человек незаметно для себя впадает в прелесть. Если ты с Богом хорош, а с ближним – скверен, значит, что-то с твоей душой не в порядке...

Мы с малых лет прививаем нашим детям навык бережного отношения к вещам, созданным человеческим трудом, но и самим нам следует научиться хранить совесть по отношению к ним. Современный мир заставляет человека стремиться к бесконечному улучшению качества жизни. Это и неудивительно, ведь покупательский бум – один из самых действенных рычагов экономики. Мы легко и бездумно отказываемся от вполне добротных вещей, которые вполне могли бы еще долго служить нам, ради новейших, модных и престижных моделей, нисколько не задумываясь о том, что потраченные на них средства лучше было бы употребить на добрые дела. В результате едва ли не основным способом самоидентификации для многих становятся брендовые марки одежды, часов, бытовой техники и автомобилей, а не человеческие, личностные достоинства. Ограничение потребительского зуда, борьбу с ним в себе уже можно рассматривать в качестве небольшого аскетического подвига, связанного с хранением совести по отношению к вещам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.